

шолтба

Ю.М.Солозобов

ВЛАСТНЫЕ ЭЛИТЫ В ЗЕРКАЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭЛИТОЛОГИИ

Властные элиты современной России в процессе политической трансформации / Отв. ред. В.Г.Игнатов, О.В.Гаман-Голутвина, А.В.Понеделков, А.М.Старостин. Ростов-на-Дону: Изд-во Северо-Кавказской Академии Государственной Службы, 2004. – 520 с.

Самые влиятельные люди России – 2003: Политические и экономические элиты российских регионов / Отв. ред. О.В.Гаман-Голутвина. М.: Ин-т ситуационного анализа и новых технологий, 2004. – 689 с.

В последнее время элитология явно выдвинулась в число наиболее динамично развивающихся направлений отечественной политической науки. Свидетельством тому могут служить и два фундаментальных монографических издания, вышедших в 2004 г. в Москве и Ростове-на-Дону. Кстати, в обоих случаях в роли ответственного редактора выступает известный российский специалист в области изучения элит О.В.Гаман-Голутвина.

В книге «Властные элиты современной России в процессе политической трансформации» предпринят комплексный анализ, причем в динамике, российских элит в различных регионах и в стране в целом. Здесь представлено большинство исследователей, активно работающих сегодня в области элитологии и принадлежащих к различным научным школам (около 50 авторов из 20 регионов России).

Для тех, кто хочет познакомиться с исследованиями политической элиты последнего времени, большой интерес вызовет работа Я.А.Пляйса, содержащая обзор отечественных диссертаций по элитологии. В книге приведена обширная библиография по элитологии, состоящая из 716 наименований. Уже одно это делает подобную книгу библиографическим событием. Обращает на себя внимание и само оформление сборника. На запоминающейся обложке расположена известная работа М.Эшера «Небо и вода», где рыбы превращаются в птиц и наоборот. Эта графическая трансформация сразу наводит читателя на аллюзии о высочайшей степени адаптации нашей властной элиты к эпохе перемен. Еще недавно сталинские соколы или их славные потомки высоко летали в разреженном воздухе развитого социализма. Потом они быстро отрастили себе силовые хвосты и финансовые жабры, и с восторгом окунулись в некогда

совершенно чуждую им стихию. Теперь наши птицы высокого полета чувствуют себя совершенно как рыбы в мутной воде недоразвитого капитализма. А уж по части зубов и прочих хищных навыков отечественные элитные «птицы-рыбы» могут дать фору всем потомственным акулам капитализма.

Обращение к материалам книги позволяет получить внятное представление о состоянии дел в современной российской элитологии. Существенные трансформации претерпевает не только предмет исследования – элиты, но и его интерпретации. О происходящей трансформации проблемного поля элитологии пишут многие авторы сборника (см., например, статью В.П.Мохова); элитологии как научной дисциплине посвящена основательная статья Г.К.Ашина. При этом в многообразном по своим конкретным сюжетам сборнике общим для большинства авторов является политологический ракурс термина элита: для политолога *элита – это только лица, обладающие властью*. Такой подход четко прослеживается в работах В.Понеделькова,

А.М.Старостина и Г.К.Ашина. Первые два автора являются создателями ростовской школы отечественной элитологии; не случайно сам сборник был издан в Ростове-на-Дону. Проблеме многообразия каналов «доступа в элиту» посвящены работы Г.Ледяева, А.Ю.Зудина, Е.А.Орех и др. В непростой ситуации терминологической разногласности появление подобного свода работ по элитологии, выполненных на строго научной основе, может служить надежным путеводителем по быстро растущей и востребованной области знания.

Если говорить о реальной политической элите, то она не ограничивается арифметической суммой лиц, принимающих решения. Ведь элита, как пишет О.В.Гаман-Голутвина, должна быть объединена глубинным сродством ценностных установок и норм поведения. Еще Р.Арон справедливо замечал, что «если группы внутри элиты не только различны, но и не едины, то это означает конец государства». Какими бы ни были значительными расхождения между различными представителями элиты (потенциальную нестабильность российских элит отмечает ряд авторов, например, И.Н.Барыгин, а региональный аспект конфликта элиты и контр-элиты обсуждает С.А.Кислицын), должна существовать общая для всех неприкосновенная рамка. Представляется очевидным, что таким табу для политических элит, посягать на которое не позволено никому, обязано быть национальное Государство. Худо дело, когда такой неприкосновенной рамкой для российской «квази-элиты» становится лишь размер телевизионного экрана или золотой кредитной карточки.

Возрастающая роль деятельности политических элит во всех сферах жизни современной России уже не оспаривается политологами. Такая роль, например, во взаимосвязи политических элит и феномена политического лидерства показана в работе А.К.Магомедова.

Вполне очевидным сегодня является процесс продолжающейся концентрации в руках элит властных и ключевых управленческих ресурсов страны на всех уровнях.

Нарастающий процесс элитизации власти стал основой для широко распространенного представления о том, что вся власть в России сегодня сосредотачивается в одних руках. Отсюда остается один шаг до распространенного мнения о том, что президент является сегодня единственным работоспособным политическим институтом. Однако хтя любого исследователя социума всегда интересно разобраться с тем, как изнутри устроена власть. Для элитологов особенно значимо понять – из каких «винтиков» она сделана. И настоящее издание отчасти приоткрывает такую завесу над лицом власти.

Работы, представленные в книге, вполне возможно структурировать по классическому аналитическому канону – «Что было? Что есть? Что будет?» Эти три ключевых вопроса, на которых следует остановиться в рецензии подробнее. Вопрос «Что было?» – совсем не праздный. В нем содержится признание исторической преемственности, если не самой элиты, то принципов ее формирования. Недаром в работах профессора РАГС О.В.Гаман-Голутвиной подчеркивается идея о взаимообусловленности мобилизационного типа развития российского общества и механизмов элитообразования. По мнению этого автора, в России инициатором модернизации всегда выступала политическая элита.

Эти властные интенции истории проходят сквозной темой через все издание.

Не случайно оно открывается работой Ю.С. Пивоварова «О «нормативности фактического» в русской политике». В статье предпринята успешная попытка ответить на один из важных теоретических и практических вопросов отечественной элитологии. Имеем ли мы вообще дело в пределах российской политической системы со сформировавшимися элитными группами? Или же мы поступаем опрометчиво, когда осуществляем механический перенос основных понятий западной элитологии? Такая проблема является болевой точкой не только российского элитизма, но и всей политологии. Это связано с тем, что на российской почве трудно прививаются важнейшие характеристики западного общества и социально-политического процесса («гражданское общество», «демократия» и «правовое государство»).

Суть этой проблемы видится в очередном кризисе взаимоотношений новых политических институтов с неформальными традициями, укорененными в национальной психологии. Как было отмечено в известном труде Ю.С.Пивоварова и А.И.Фурсова «Русская система», в России всегда была, есть и будет *«Самодержавная Власть, единая и неделимая, качественно однородная и по сути единственная. Причем единственная не только как власть, но и как субъект (моносубъект)»*. Соперничество различных элитных групп в этой

концепции принципиально противоречит идее «соборности», предполагающей некое мистическое единство общества. Сегодня Государственная дума, как некогда и Земские соборы, оказалась не столько ареной противостояния различных групп элиты, сколько инструментом повышения легитимности решений верховной власти. Это принципиально отличает ее от европейских парламентов, представляющих собой формальные политические институты борьбы за власть, в том числе и против монарха. Видимо недаром, с легкой руки Лилии Шевцовой политический режим в России получил необидное политологическое название – *Выборное Самодержавие*. Однако для исследователя общества проблема состоит не в изобретении ярлыков, а в прояснении совсем другого вопроса: почему именно В.Путин является сегодня лидером нашего «выборного самодержавия»? Степень лояльности президенту особенно впечатляет своим контрастом по сравнению с итогами недавних парламентских выборов, отразивших кризис на правом и левом флангах партийно-политического спектра. За десять лет в России не сложилось партии – выразителя крупных социальных интересов, существующей *вне* элиты, точнее вне бюрократической «вертикали». Реальные *контр-элитные* политические силы, способные создать массовую политическую партию в сегодняшнем обществе явно слабы (известно, что фактически единственная такая партия в России – КПРФ – переживает серьезный внутренний кризис). В этом контексте авторы рассматривают роль Закона «О политических партиях» и формирования депутатского корпуса Думы по партийным спискам. Результаты социологических исследований, приводимые в книге, помогают пролить свет на вопросы: Станет ли «Единая Россия» социальным и кадровым лифтом для нашей бюрократии? Смогут ли другие партии стать альтернативным источником пополнения политической и кадровой элиты? По мнению О.В.Гаман-Голутвиной, это во многом зависит не от электората, а от *селектората*. Сегодня селекторат – система групп (например, ФПГ), осуществляющих отбор кандидатов, является ключевым элементом в рамках демократической процедуры выборов.

Этим, впрочем, не исчерпываются драматические перемены в области партийного строительства. Серьезные изменения в политических коммуникациях приводят сегодня к радикальным изменениям в технологии власти. Прежде для массовой партии была необходима разветвленная партийная инфраструктура, в том числе были востребованы реальные лидеры из контрэлиты, впоследствии инкорпорируемые в элитные круги. Однако, в случае постмодернистских партий (медиа-партий, партий-фантомов и т. п.) можно обойтись и масс-медиа, через которые виртуальные лидеры доносят до телезрителей свою виртуальную позицию.

Тут самое время поговорить о так называемой «поп-элите», сформировавшейся в органах чувств нашего «общественного мнения».

Ее многоликий и быстро меняющийся облик мастерски прослежен в обстоятельной работе Е.Б.Шестопа. Социологический опрос предпочтений массового общества неизбежно превращается в «VIP– парад» массовой культуры, поскольку призыв дать голос простому человеку (das Man) в массовом обществе означает прислушаться к голосу массовой культуры. Недаром в аналогичном западном «параде идиолов» политики, как представители элиты, окончательно потерялись среди шоуменов. По словам философа Михаила Ремизова, «*в обществе раскрепощенной массы “элита” является лишь ее концентратом*» или представителями *попсы*: художественной и политической. Назойливо повторяющиеся в масс-медиа рейтинги лучших людей по профессии позволяют уже говорить об устоявшейся совокупности медийно значимой элиты. Один из авторов книги назвал этот феномен – «*виртуальным лицом власти*».

Рассмотрение в качестве эмпирического материала рейтингов политического влияния, составляемых ведущими СМИ, выявило определенные тенденции в процессе виртуализации власти в массовом обществе, где образы в психике человека формируются не под влиянием личного опыта и архетипов. Большое значения приобретают контекст политических событий и воздействие «эталонных представлений», существующих в массовом сознании. Это обстоятельство, как отмечает в своей работе Е.Б.Шестопа, может существенно повлиять на саму политическую оптику исследователя. Очевидно, что массовое сознание отождествляет государство с самим главой государства, также как рыночные отношения в начале реформ вполне безбидно соотносились с обычным рынком. Помимо первых лиц государства, список медийно значимой «элиты» возглавляют лидеры наших ведущих постмодернистских партий от ЕР до СПС, потеснившие даже Аллу Пугачеву.

После более массового социологического опроса в форме думских выборов, отказавших нашим либералам в доверии, это наглядно показывает, что всероссийская «доска почета» есть бледное отражение электронного «зала славы». Показатель рейтинга таких «квази-элит» почти напрямую зависит от телевизионного цитирования. Из глав 89 регионов в рейтинги «элиты» вошли всего семнадцать, причем не всегда из регионов-доноров. Но массовое сознание (в отличие от исследователей, пример – работа В.Г.Ледяева) не разделяет нашу «элику» на две группы – чиновников и выходцев из других классов.

Сегодня мир воспринимается элитой и массой вполне одинаково – он конструируется в соответствии с принципом наглядности. Главным способом здесь является превращение понятия в наглядный *образ*. Так государство, как структура, превращается в список лиц, олицетворяющих власть. Отсюда навязчивое стремление расставить все по местам. Вот почему рейтинги элиты стали так популярны, они являются новой «священной коровой». «VIP-парады» газет

и телеканалов, исполненные как пародийное подражание *репутационному* анализу элит, – это не просто остроумная выдумка или ярмарка тщеславия, а скорее средство манипуляции медийной «поп-элитой».

Даже традиционный экономический капитал оказался представлен в медийном рейтинге «квази-элит» более чем скромно. Видимо сформировавшаяся буржуазия еще долгое время будет обречена существовать как «класс в себе», а не «класс для себя». Ее представители еще (или уже!) не видят нужды объединяться даже для защиты корпоративных интересов, не говоря уже о прямом участии в политике. Вот это добровольное медиа-представительство «другими» создает весьма опасную ситуацию для основных игроков власти, какими являются элитная бюрократия и элита бизнеса. Ведь эти субъекты, не говоря уже о всех политических объединениях, вынуждены пользоваться нанятыми на время инструментами масс-медиа. Однако ни одна из борющихся за власть и собственность сторон не контролирует медийный процесс «производства образов» в полной мере.

Восстановленный массовым сознанием медиа-образ власти не только не соответствует реальной картине, но и призван образовывать одну из масок власти. Когда институты государства приватизируются кланами или корпоративными структурами, то «власть» государства растворяется в практически анонимном «руководстве» политико-финансовых корпораций. Многомерное социальное пространство, где функционируют держатели различных видов капиталов – экономического, социального, символического, культурного, – тем самым сводится к плоской телевизионной картинке. Симптоматично, что в перечне медийно успешных «элит» оказались не представленными представители еще одного типа капитала — силового, который становится в современном российском обществе все более значимым фактором влияния.

К числу важных с исследовательской точки зрения несомненно принадлежат проблемы взаимоотношений бюрократии и бизнеса. В рассматриваемой книге заслуживает внимания знаковая статья ведущего специалиста по корпоративизму С.П.Перегудова. Ее автор склонен к выводу, что формирование каркаса российской экономики в настоящее время происходит на основе новых *корпоративных* отношений между крупным бизнесом и властью.

Последние годы проходят под знаком далеко идущей трансформации в отношениях бизнеса и власти. Дело ЮКОСа – лишь один (но наиболее медийно значимый) эпизод в более масштабной картине изменений. Поскольку в этом процессе задействованы основные субъекты российской политики – бизнес и власть, то от качественных изменений самих принципов этих отношений зависит характер нашей политической системы. Недаром Маркс утверждал, что политические отношения лишь вытекают из отношений собственности.

Подлинная и долгосрочная «стабильность» в стране невозможна без публично выстроенных прозрачных отношений, связанных с собственностью. До сих пор вся крупная собственность формировалась как «трофейная». Однако надежды на то, что общество со временем воспримет такой сложившийся порядок как «естественный», за двенадцать лет не оправдались. Из слабо легитимного «трофейного имущества» ничего не выросло, за исключением совсем уж новых видов бизнеса, не имеющих советского «скелета в шкафу», например, компаний сотовой связи.

Затянувшаяся нерешенность проблем собственности привела к возникновению профессиональных посредников между властью и бизнесом. В своей статье С.П.Перегудов, рассматривая сложившийся в начале 2000-х гг. неиерархический «треугольник власти», в качестве одной из важных его сторон называет либеральную «группу влияния». Результаты прошедших парламентских выборов давали основания предполагать формирование принципиально новых корпоративных отношений. Автор справедливо утверждает, что модель государственного корпоративизма – это модель из ушедшего прошлого, но не будущего и даже не настоящего. Такая модель могла реализоваться лишь в условиях жестких режимов Южной Европы и Латинской Америки. Когда, пишет Перегудов, *«еще можно было деполитизировать бизнес, подчинив его, как и все общество, тотальному контролю на ограниченной территории»*. Сегодня вряд ли уместно говорить о «закрытости» границ, как и о монолитности самой бюрократии.

В статье Перегудова приводятся два сценария развития отношений между бизнесом и властью. Первая модель – «бизнес по Абрамовичу» – подчеркнутая аполитичность и лояльность власти с одновременным превращением в бизнесмена-космополита. Вторая – заключение «пакта» с властью (формального или фактического) о взаимных гарантиях и «социальной ответственности». Но эти альтернативы неполны, поскольку неявно предполагают, что предприниматель «насильственно» ограничен в чуждых ему территориальных рамках России, как в «местах заключения» бизнеса.

Между тем, именно расположение месторождений на территории России делает нефтяную компанию крупной, а отнюдь не купленную на выручку от продажи нефти сеть заправок. Тем самым национальная государственная рамка имеет для элит свою особую ценность. В том числе, как контур управления, в который они могут быть допущены только в *своей* стране. Как отмечалось в редакционной статье журнала «Эксперт» (№ 2 2004 г.), *«неявное предположение, что глобальное управление эффективнее управления на национальном уровне уже просто в силу того, что оно глобально, есть ни что иное, как вредная иллюзия»*.

Однако реально существующие корпоративистские отношения имеют ту замечательную особенность, что власть легитимизируется

не только посредством формальных институтов, но во многом через *неформальные* отношения и ценности элитного слоя. Важной проблеме вынужденной глобализации российских элит посвящена интересная работа А.В.Дука, рассматривающая вызовы и ответы российских элит в современных условиях. Автор, словно отвечая на знаковый вопрос «Что будет?», отмечает беспочвенность претензий отечественных властных элит на вхождение в глобальную элиту. Он предлагает особый «третий путь», требующий создания в России качественно новой элиты. Теме неизбежной замены властвующих элит посвящена и статья П.Л.Карабушенко, трактующая состояние современной политической элиты в России в радикальных терминах («восстания элит»).

Недавние события на Украине дают для России если не пример вынужденной ротации элит, то предостережения от самоуспокоенности политического класса. Проблема тиражирования «бархатных революций» на постсоветском пространстве говорит о недостаточной легитимности властной элиты. Поучительный урок «оранжевого майдана» состоит в том, что недооценка роли национальных элит и поспешное разрушение внутриэлитного баланса в попытке «укрепить вертикаль» к моменту перехода власти может привести к неоднозначным последствиям. Это обстоятельство особенно важно сегодня, поскольку российские «верхи» имеют только общий план, но не обладают четким механизмом передачи власти.

Попытка высшего руководства «зарегулировать» политическую систему и выстроить «элиты» может привести к ряду неожиданных для самой власти последствий. Уже в недалекой перспективе эти «ошибки регулирования» делают предвкусшаемую масштабную победу «партии власти» на парламентских выборах отчасти пирровой. Во-первых, после «оранжевой революции» на Украине вопрос о реальном «преемнике» российской власти уже перешел с среднесрочного горизонта 2008 г. на тактический уровень планов радикальной оппозиции.

Во-вторых, опыт Украины показал возможности для образования нового центра консолидации контр-элит в виде более радикальной оппозиции политическому режиму. В третьих, если прежняя умеренная оппозиция была ориентирована в основном на внутриэлитные механизмы разрешения конфликта в границах России, то «новая контр-элита» для легитимации своей будущей власти уже может склониться к поиску внешнего арбитра в виде ОБСЕ или США.

Поиски нового лидера для страны всегда сопряжены с той трудностью, что харизматичная власть от одного лидера к другому просто так не передается. Оказывается, что в ключевой момент перехода политическая власть в обществе находится у тех, «кто никуда не уходит». Она принадлежит национальной ответственной элите, тем носителям символического капитала, которые в наибольшей

степени отвечают традиционной социокультурной матрице общества. Таким образом, ключи от власти всегда находятся в руках властной элиты. Точнее, в той части «невъездной» свиты, которая и делает королей.

Важнейшей «сквозной» темой книги стало изучение процессов элитообразования на региональном уровне (этой теме посвящены, в частности, статьи Е.И.Степанова, М.Х.Фарукшина, Н.В.Колесник, Т.М.Поляковой, Р.Р.Галлямова, А.Е.Чириковой, А.Г.Чернышова, С.Г.Комарицына и ряда других авторов). В книге представлены материалы ряда эмпирических исследований региональных элит. Основательная работа Р.Ф.Туровского посвящена концептуальному анализу эволюции российской региональной элиты. Интерес к региональным руководителям не случаен: вне столицы проживает абсолютное большинство населения, поэтому анализ политических процессов в российских регионах может в значительной мере прояснить ответ на вопрос о том, как и чем живут сегодня регионы

В контексте ответа на этот вопрос несомненный интерес представляют результаты проведенного Институтом ситуационного анализа и новых технологий (ИСАНТ) при участии независимых экспертов под руководством проф. О.В.Гаман-Голутвиной, которые публикуются в другой рецензируемой работе исследования «Самые влиятельные люди России-2003. Политические и экономические элиты российских регионов». Ее целью был анализ процессов формирования властных групп на региональном уровне.

Исследование проводилось в формате экспертного опроса и предполагало характеристику процессов формирования и ротации элитных групп в регионах. В качестве важнейших параметров исследования выступали основные механизмы и каналы рекрутирования политических и экономических элит; их структура и социально-демографические характеристики; личные качества, обеспечившие успешное политическое/административное/экономическое продвижение; преобладающий стиль политического и экономического лидерства, особенности взаимоотношений федерального центра и регионов России в настоящее время, включая характеристику преобладающих методов реализации влияния федерального центра в регионах; выявление перспективных региональных политиков и предпринимателей и определение факторов перспективности; особенности взаимоотношений между политическими и экономическими элитами в регионах; исследование феномена «универсалов» (лиц, обладающих одновременно политическим и экономическим влиянием) и анализ факторов формирования сообщества «универсалов» в регионах России.

Освещение этих вопросов в рецензируемой работе является основой характеристики системы властных и экономических отношений на региональном уровне и отношений «центр-регионы», которую условно можно определить как «Россия регионов Президента

В.В.Путина». В данном аспекте исследование дает ответ на вопрос о том, в чем состоит ее отличие от «России регионов» при Б.Н.Ельцине.

Указанный проект без преувеличения можно назвать масштабным и уникальным. Работ, аналогичных по числу включенных в исследование регионов и опрошенных экспертов (состав которых был определен строго в соответствии с требованиями репрезентативности) ранее не проводилось. Данный проект является логическим продолжением и развитием исследования, проведенного в 2000 г. (его результаты были опубликованы в журнале «Эксперт» № 38 от 9 октября 2000 г.). В исследовании 2000 г. экспертным опросом было охвачено 54 региона, в исследовании 2003 г. – уже 66 регионов. В 2000 г. было опрошено 1263 эксперта, в 2003 г. – 1702 эксперта-respondenta. При этом экспертный опрос 2003 г. – это не просто расширенное повторное исследование 2000 г., но качественно новый его этап, что обусловлено новым качеством концептуального осмысления феномена и механизмов политического и экономического влияния в современной России.

В рамках рецензии не представляется возможным затронуть весь спектр полученных в ходе исследования результатов. Были выявлены как прогнозируемые, так и весьма неожиданные тенденции формирования и функционирования властных и экономических групп российских регионов. Например, исследование показало, что доминирование законодательной ветви власти по отношению к исполнительной, как и ранее, отмечено лишь в единичных случаях, представляющих исключение из общего правила. Относительно состава властных групп российских регионов исследование показало, что рейтинг политического влияния по-прежнему распадается на две группы – представители властных структур, занимающие постоянные оплачиваемые должности в структурах власти («бюрократы») и «свободные художники», «вольные стрелки» («лидеры») – лица, не занимающие формальных позиций в структурах власти, но оказывающих влияние на региональный политический процесс. При этом первая группа является доминирующей. Во многих субъектах Федерации удельный вес «бюрократов» в общей численности политического класса колеблется в пределах 70-90%.

Неожиданным в этой привычной картине стало заметное возрастание за последние годы политического влияния трех категорий – представителей политических партий, ректоров ведущих региональных вузов и главных редакторов ведущих региональных СМИ. Тенденции к увеличению присутствия партийных политиков в рейтинге влияния связаны с расширением представительства «Единой России», что, с учетом особенностей формирования этой партии, означает не столько укрепление института политических партий в регионах, сколько укрепление влияния федеральной исполнительной власти на региональный политический процесс и формирование региональных

властей. Рост влияния ректоров вузов определен целым рядом обстоятельств, среди которых – сосредоточение в условиях де-факто платного высшего образования в их руках значительных средств, спецификой контингента учащихся и преподавателей значимого сегмента электората и т. д. Рост влияния руководства СМИ отмечен в регионах с глубокими внутриэлитными конфликтами (Санкт-Петербург, Приморский край и др.).

Несомненный интерес представляет рассмотрение в ходе исследования вопроса о том, что правит Россией на региональном уровне – «силовики» или «семибанкирщина»? Соответствующий анализ, проведенный на базе обширного эмпирического материала, показывает, что расхожий тезис о засилье «милитократии» на региональном уровне не отражает реальной ситуации. Источники пополнения региональных властей из бизнеса значительно превосходит по темпам и качеству аналогичные источники из силовых ведомств. Предметом детального рассмотрения в рамках исследования стало активное вхождение в состав властных групп представителей федерального и регионального крупного бизнеса. Это – ведущая тенденция обновления состава властных региональных элит. Доминирующим мотивом интеграции бизнеса в структуры власти (в различных формах – институциональных и неинституциональных – и на различных уровнях – федеральном, региональном, местном) является стремление упрочить свои экономические позиции и защитить свой бизнес.

Одним из наиболее интересных сюжетов исследования стал анализ структуры элитных групп российских регионов. Исследование показало, что региональный уровень не является пределом дробления российской элиты – групповая структура элиты характерна для всех уровней управления. Преобладающей «единицей» организации региональной власти в настоящее время являются политикофинансовые кланы как группы, объединенные общностью политико-экономических интересов и консолидированные, как правило, вокруг руководителей региональной исполнительной власти на основе отношений личной зависимости.

Рассмотрение в рамках проекта данных по различным регионам относительно преобладающих *механизмов* и *каналов* рекрутирования элит показало, что выстроить единую для всех регионов жесткую иерархию не представляется возможным. Причиной тому – значительные экономические, социокультурные и иные региональные отличия. Но основные тенденции назвать можно. Ведущими *механизмами* рекрутирования региональной элиты являются избрание/назначение на руководящие должности в структурах исполнительной и законодательной ветвей власти регионального или муниципального уровня; значительный объем контролируемых властных и/или экономических ресурсов (принадлежность к бизнес-элите регионального или федерального уровня); общность политико-экономических интересов; родственные и/или земляческие связи и

опыт совместной деятельности с первыми лицами регионов. При этом, несмотря на приоритетность формальных публичных механизмов политического продвижения, определенную роль играют неформальные механизмы поддержки со стороны групп влияния (фаворитизм, протекционизм, коррупция и т. п.).

В качестве *каналов* продвижения региональных политических элит выступают государственная служба федерального и регионального уровня (включая силовые и специальные службы, территориальные отделения федеральных органов управления; аппарат полпредов и т. д.); органы местного самоуправления; федеральные, региональные и муниципальные бизнес-структуры; в меньшей степени – политические партии и общественные организации; СМИ, учреждения образования, культуры, науки.

Значительный интерес представляет изучение *факторов перспективности* политиков и бизнесменов. Исследование показало, что важнейшими факторами политического и экономического продвижения в настоящее время является поддержка со стороны влиятельных административных, политических или экономических структур. По сравнению с подобной поддержкой роль личностных качеств политика вторична, хотя эти качества зачастую способствуют привлечению поддержки значимых и влиятельных структур.

В целом, как представляется, уровень рассмотренных в рецензии исследований вполне соответствует «мировым стандартам». Не случайно работа «Самые влиятельные люди России-2003» заняла первое место на конкурсе научных изданий 2004 г., ежегодно проводимом ведущей профессиональной организацией российских политологов – Российской ассоциацией политической науки (РАПН).